

Ю. М. ЛОТМАН

РАДИЩЕВ — ПОЭТ - ПЕРЕВОДЧИК

Вопрос о мастерстве Радищева-переводчика поэтических произведений не только не изучен, но и не поставлен в исследовательской литературе. Более того, не выявлен даже круг произведений, подлежащих изучению в этом плане, поскольку не проделана еще предварительная работа по выяснению того, какие из стихотворений Радищева являются переводами. Сообщению некоторых данных по этому вопросу и посвящена предлагаемая заметка.

* * *

Стихотворение Радищева «Молитва» представляет перевод отрывка «Prière» — заключения известной антиклерикальной «Поэмы о естественном законе» («Poème sur la loi naturelle») Вольтера. Произведение это содержало настолько резкое осуждение церковного фанатизма, что Вольтер, как он сам указывал в предисловии, в течение трех лет не решался опубликовать его в печати. Поэма распространялась в списках. Напечатана она была почти одновременно с знаменитой «Поэмой на разрушение Лиссабона» в 1756 году.

Приводим заключение поэмы Вольтера:

O Dieu qu'on méconnaît! O Dieu que tout annonce!
Entends les derniers mots que ma bouche prononce!
Si je me suis trompé, c'est en cherchant ta loi:
Mon coeur peut s'égarer, mais il est plein de toi.
Je vois sans m'alarmer, l'éternité paraître;
Et je ne puis penser qu'un Dieu qui m'a fait naître,
Qu'un Dieu qui sur mes jours versa tant de bienfaits,
Quand mes jours sont éteints, me tourmente à jamais.¹

Антиклерикальные выступления Вольтера были хорошо известны Радищеву, который в «Путешествии из Петербурга в Москву» вспоминал о том, как «Вольтер кричал против суеверия до безголосицы».

В русской литературе XVIII века известен другой не лишенный интереса случай перевода этого же произведения.

К 1793 году относится предсмертное завещание ярославского дворянина Ивана Михайловича Опочинина, интересное как по выраженному в нем сочувствию крестьянам, так и по пронизывающему все произведение духу философского материализма, граничащего с полным атеизмом. «Смерть, — писал Опочинин, — есть не иное что, как прехождение из бытия в совершенное уничтожение. Мой ум довольно постигает, что человек имеет существование движе-

¹ Oeuvres complètes de Voltaire, Nouvelle édition, t. huitième, Poésies, t. II. Paris, 1817, p. 419.

нием природы, его животворящей, и сколь скоро рессоры в нем откажутся от своего действия, то он, верно, обращается в ничто После смерти нет ничего!»

Свое завещание Опочинин заключил переводом «с французского диалекта» отрывка из вольтеровской поэмы В переводе имеется известное расхождение с французским оригиналом, интересное тем, что оно почти дословно совпадает с текстом Радищева

Во французском тексте

O Dieu qu'on méconnaît! O Dieu que tout annonce!
Entends les derniers mots que ma bouche prononce!

У Опочинина:

О боже, которого все твари возвещают

У Радищева

Тебя, что твари все повсюду возвещают

Указанное совпадение, возможно, не случайно и свидетельствует о знакомстве ярославского переводчика с стихотворением Радищева²

Особый интерес представляет стихотворение «Журавли», неоднократно ставившееся исследователями в связь с биографическими обстоятельствами жизни Радищева Стихотворение это — точный перевод произведения забытого немецкого поэта середины XVIII века Эвальда Христиана фон Клейста (1715—1759) «Der gelahmte Kranich» (1757)

Der gelahmte Kranich³

Der Herbst entlaubte schon den bunten Hain,
Und streut aus kalter Luft Reif auf die Flur
Als am Gestad ein Heer von Kranichen
Zusammenkam um in ein wirthbar Land
Jenseit des Meers, zu ziehn Ein Kranich, den
Des Jägers Pfeil am Fuß getroffen, saß
Allein, betrubt und stumm und mehrte nicht
Das wilde Lustgeschrey der Schwarmenden,
Und war der laute Spott der frohen Schaar
Ich bin durch meine Schu'd nicht lahm, dacht' er
In sich gekehrt, ich half so viel, als ihr
Zum Wohl von unserm Staat Mich trifft mit Recht
Spott und Verachtung nicht Nur Ach! wie wir'ds
Mir auf der Reis' ergehn! Mir dem der Schmerz
Muth und Vermögen raubt zum weiten Flug!
Ich Unglückseliger! das Wasser wird
Ba'd mein gewisses Grab Warum erschöß
Der Grausame mich nicht? — Indessen weht
Gewogner Wind vom Land ins Meer Die Schaar
Beginnt geordnet itzt die Reis' und eilt
Mit schnellen Flügeln fort und schreyt vor Lust
Der Kranke nur blieb weit zuruck und ruht
Auf Lotosblättern oft, womit die See

² Об И М Опочинине см Л Н Трефолов Предсмертное завещание русского атеиста «Исторический вестник», 1883, январь, стр 224—226, К Сивков Общественная мысль и общественное движение в России XVIII в «Вопросы истории», 1946, № 5—6, стр 93

³ Цит по Ewald Christian von Kleist's sammtliche Werke ( ) herausgegeben von Wilhelm Korte Zweiter Theil Berlin, 1803, SS 55—57

Bestreuet war, und seufzt' vor Gram und Schmerz.
 Nach vielem Ruhn sah er das beßre Land,
 Den gut'gern Himmel, der ihn plötzlich heilt.
 Die Vorsicht leitet' ihn beglückt dahin;
 Und vie'len Spöttern ward die Flut zum Grab'.
 «Ihr, die die schwere Hand des Unglücks drückt,
 Ihr Red'ichen, die ihr, mit Harm erfüllt,
 Das Leben oft verwünscht, verzaget nicht,
 Und wagt die Reise durch das Leben nur!
 Jenseit des Ufers giebt's ein besser Land;
 Gefilde voller Lust erwarten euch».⁴

Установление оригинала произведения Радищева интересно во многих отношениях. Известна широкая осведомленность Радищева в немецкой литературе. Знаменательно, что в поле его зрения оказывались не только перво-разрядные произведения, но и сравнительно мелкие явления литературной жизни Германии XVIII века. Так, например, он откликнулся на цензурные гонения, направленные против Векерлина⁵ и был знаком с его «Серым чудовищем». Тем более вызывает недоумение отсутствие в произведениях Радищева упоминаний центральной фигуры в демократическом лагере немецкой литературы тех лет — Лессинга. Интерес к творчеству Э.-Х. Клейста в этом смысле знаменателен — он прямо вводил Радищева в литературное окружение великого немецкого просветителя. Рано умерший Эвальд Христиан Клейст не был особенно выдающимся литератором, но его произведения отмечены определенной, хотя и не очень глубокой, печатью влияния просветительских идей. Э.-Х. Клейст был другом Лессинга. Именно ему были адресованы «Литературные письма». Радищев — читатель и переводчик Э.-Х. Клейста, конечно, был хорошо знаком и с творчеством Лессинга.

Стихотворение «Журавли» интересно еще в одном отношении — оно перекликается с концовкой пушкинских «Цыган». ⁶ Такое сопоставление вполне правомерно, ибо нет никаких сомнений в том, что собрание сочинений Радищева 1807—1811 годов было Пушкину известно. Однако незадолго до написания «Цыган» был выполнен и опубликован другой перевод этого же стихотворения. Он мог привлечь внимание Пушкина уже потому, что переводчиком был А. Д. Илличевский — лицейский друг Пушкина. Вообще творчество Э.-Х. Клейста интересовало лицейстов. Илличевский в ученические годы перевел две его идиллии — «Ирин» и «Цефиз».⁷ Знаком с творчеством Клейста

⁴ М. А. Арзуманова обратила мое внимание на то, что в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (1794, ч. I, № 1, стр. 91—93) помещена прозаическая басня «Подстреленный журавль» с указанием: перевод с французского Д. Арсеньева. На самом деле оно является переводом цитируемого стихотворения Клейста. *Прим. ред.*

⁵ См.: Пауль Рейманн. Основные течения в немецкой литературе. 1750—1848. Пер. с немецкого О. Н. Михеевой, Изд. ИЛ, М., 1959, стр. 80—84.

⁶ См.: Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1813—1826). Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 321.

⁷ Необходимо исправить одну ошибку. Н. Гастфрейнд, раскрывший причастность Илличевского к этим переводам («Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицее», т. II, СПб., 1912, стр. 149), отнес указание Илличевского: «подражание Клейсту» на счет известного драматурга-романтика Г. Клейста. Заметив, что Г. Клейст «среди романтиков его времени» «отличался свежестью и пластичностью своих произведений», Н. Гастфрейнд заключил, что Илличевского «влекло к немецким романтикам», и предположил здесь влияние Кюхельбекера. Все это — плод недоразумения. Илличевский перевел

был и Кюхельбекер, писавший позже в крепости, что поэты XIX века выше «Попа и Аддисона, Вольтера и Делиля, Виланда, Клейста, Бодмера».⁸

Говоря о радищевских стихотворных переводах, необходимо остановиться и на так называемых «Сафических строфах».

Стихотворение это — вольный перевод 15-го эпода Горация. Радищев воспользовался лишь темой измены и начальными стихами:

Nox erat et caelo fulgebat luna sereno
 Inter minora sidera,
 Cum tu magnorum numen laesura deorum
 In verba iurabas mea...
 Ночь была прохладная, светло в небе,
 Звезды блещут...
 Ты клялась верною быть вовеки,
 Мне богиню ночи дала порукой...

Однако дальше Радищев резко изменил развитие лирического сюжета. Он отказался и от угроз, которые Гораций расточает Неэре, и от предостережений счастливому сопернику.

Среди латинских поэтов Гораций занимал в сознании русских поэтов XVIII века особое место. Любовная лирика Горация привлекала внимание поэтов, стремившихся освободиться от канонизированных классицизмом поэтических форм. В борьбе за стиховое новаторство, освобождение от обязательной рифмы, подчинение ритмики содержанию Радищев обратился к античным размерам. Показательно, что он в этом случае не делал различия между горацанской и сафической структурами строфы, выражая средствами последней тему, навеянную Горацием. Его интересовало не различие в системах античного стиха, а перенесение на почву русской лирики новой ритмической системы, рассматриваемой как нечто единое.⁹

Но лирика Горация имела и другое лицо, привлекавшее русских поэтов XVIII века, — прославление простоты, скромной трудовой жизни, патриархальных нравов, при которых

Privatus illis census erat brevis,
 Commune magnum...
 (Carm. Lib. II, 15)

Не случайно наибольший отклик в русской поэзии XVIII—начала XIX века получила знаменитая «Похвала сельской жизни» («Beatus ille, qui procul negotiis»). В письме к Воронцову Радищев вспоминал «прекрасную оду Горация „Beatus ille...“», добавляя: «которой я знаю только начало».¹⁰ Последняя оговорка, видимо, имеет особый смысл. В традиции русской недворянской поэзии от Тредиаковского до Милонова ода Горация воспринималась как прославление свободной и трудовой жизни — идеала поэта, отрицающего современную ему действительность.

У Тредиаковского:

Плугом отчески поля орющий.

Э.-Х. Клейста, не имевшего к романтикам никакого отношения. Интерес к этому поэту Илличевский сохранил и после окончания лицея.

⁸ Дневник В. К. Кюхельбекера. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 173.

⁹ О Горации в России см. статью П. Н. Беркова «Ранние русские переводчики Горация». («Известия Академии наук СССР. Отд. общ. наук», 1935, № 10, стр. 1039—1056).

¹⁰ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 505.

Особенно важна не находящая параллели у Горация характеристика земледельца, который является человеком:

Дел от добрых токмо благородным,
Не от платья и не от гульни.¹¹

У Милонова, в противоположность Горацию, подчеркнут личный труд:

И в отческих полях работает один.¹²

Зато ни у Тредиаковского, ни у Милонова нет фигурирующих у Горация рабов, присутствующих за столом:

Positisque vernas, ditis examen domus,
Circum renidentes Lares!

Упоминание *verna*, раба, родившегося и выросшего в доме, для Горация было признаком простого, патриархального быта. В русском переводе оно опускалось, ибо заставляло бы читателя воспринимать стихотворение как прославление жизни дворянина-помещика, а не идеального свободного земледельца. Вместо домашних рабов у Милонова:

Малютки милые толпятся вокруг огня.

Истолкование оды Горация в духе патриархальной идиллии свободного труда земледельца, добывающего все собственным трудом, заставляло игнорировать последнее четверостишие Горация, в котором иронически снимался весь пафос стихотворения: ростовщик Альфий, восхваляя сельскую жизнь, отдает деньги в рост.¹³ Поэтому в русской поэзии XVIII—начала XIX века заключительные стихи, как правило, не переводились. Видимо, не случайно и Радищев в своем сознании отделил текст стихотворения от его конца.

Однако в отношении Радищева к Горацию была и своя специфика. Гораций привлекал недворянских поэтов XVIII века поэзией частной жизни, прославлением достоинства человека, вне зависимости от его положения в государстве. Вместе с тем поэзия «золотой посредственности» не удовлетворяла Радищева, особенно в сочетании с примирительным отношением к властям, и Гораций оставался для него «лизорук Меценатов». Называя его «льстецом наемным», Радищев писал:

О умы, умы изящны,
Та ли участь Мусс, чтоб славить,
Кто вам жизнь лишь не отъемлет,
Иль, оставя вам жизнь гнусну,
Даст еще кусок, омытой
В крови теплой граждан, братьев.¹⁴

¹¹ В. К. Тредиаковский. Стихотворения. (Библиотека поэта. Большая серия). Изд. «Советский писатель», Л., 1935, стр. 205—208.

¹² М. Милонов. Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения. СПб., 1819, стр. 32.

¹³ Именно эта ироническая концовка повлияла на истолкование оды Державиным.

¹⁴ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 105.